

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 378
DOI 10.20339/AM.09-24.015

В.Н. Жуков,
д-р филос. наук, профессор, г. Москва
e-mail: vadimzhukov@gmail.com

ОБ УТРАЧЕННОЙ ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

В статье рассматривается принципиальное отличие положения науки и высшего образования в современной России от их положения в советское время в отношении нравственности.

Ключевые слова: познание, наука, нравственность, гуманизм.

ON THE LOST PECULIARITY OF SOVIET EDUCATION AND SCIENCE

Vadim N. Zhukov, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow, e-mail: vadimzhukov@gmail.com

The article considers the fundamental difference between the position of science and higher education in modern Russia and its position in Soviet times in relation to morality.

Keywords: cognition, science, morality, humanism

Именно тем, что каждое знает себя в другом,
оно отказывается от самого себя: *любовь.*
Г.В.Ф. Гегель

В вышеприведенном эпиграфе, взятом из «Йенской реальной философии» Гегеля¹, речь идет не о сфере личных человеческих отношений, но – как и почти всегда у немецкого философа – об одной из сторон познавательного отношения человека к миру в целом. Поэтому понятие «любовь» относится прежде всего к познанию, а не к индивидуальным человеческим связям и переживаниям.

Познание и любовь, более того, научное познание и любовь – так что же между ними может быть общего? Разве не принято считать, что научное познание и любовь – это несовместимые вещи? Любовь – это, как считают, для всех, а научное познание – только для некоторых, которые получили образование в том или ином вузе,

закончили аспирантуру и докторантуру и работают над какими-то малопонятными для большинства проблемами. Научное познание, как считают многие – это что-то холодно-рациональное, безлико-логичное, это какое-то царство Снежной королевы из сказки Андерсена, где всё точно, всё блестит холодом формальной правильности и уже поэтому – бессердечно. А вот любовь – это жизнь сердцем, это кипение страстей, и поэтому она понятна всем. Научное познание правильно в своей безликой обязательности законов и положений, а вот любовь правильна совсем по-другому – просто потому, что она любовь и «всегда права», да и всё тут, как поется в какой-то песенке.

Так сегодня рассуждает большинство.

В вышеприведенном эпиграфе говорится о том, что знать себя можно только в другом – не обязательно в другом человеке, но в том числе и в природе. Когда человек занимается познанием самого себя в чем-то другом – это обязательно ведет к той или иной форме отказа от самого себя: ведь нельзя познавать что-то другое, будь то математика или наука об управлении, и всегда думать только о себе, любить только себя, оставаться

¹ Гегель Г.В.Ф. Йенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М., 1970. 668 с. Hegel, ututkm Hegel, G.W.F. Jena Real Philosophy. In: Hegel, G.W.F. Works of different years: in 2 vols. V. 1. Moscow, 1970. 668 p.

замкнутым только в себе. Сам акт научного познания, само стремление к научному образованию и просвещению обязательно подразумевает если и не самопожертвование (бывает и такое), но ту или иную степень отказа от самого себя, от «заикленности» на самом себе хотя бы во время лекции и научного семинара, постановки научного опыта и др. Обязательна «само-отдача», а совсем не «само-замкнутость».

В этой обязательной направленности на что-то другое, на изучаемое и анализируемое, в этой добровольной поглощенности предметом своего познания неизбежно в той или иной степени происходит отказ от культа неповторимости своего «я», но не от самого себя вообще — потому что если бы человек в познании полностью отказывался от самого себя, тогда и познавать было бы просто некому, человеческая индивидуальность полностью «тонула» бы в этом познании, растворялась в нем. Целостность человеческой индивидуальности и культ сугубо личных особенностей, только своего персоналитета — очень разные вещи.

Поэтому в обязательном, неизбежном отказе от культа своих особенностей в процессе научного образования, научного познания и исследования уже содержится нравственное начало — ведь человек в таком случае никогда не сводит нравственность только к самому себе, к своим персональным требованиям. Здесь нет принципиальной противоположности между стремлением к знанию и нравственностью. Само это стремление к знанию обязательно нравственно, обязательно есть любовь, та или иная отдача, а иногда и самопожертвование в поиске истины, что, конечно, имел в виду Гегель.

Всем известный факт, что плоды знания используются нередко совсем не в нравственных целях, нисколько не говорит против единства любви и познания. Ведь способ использования чего-либо и *сущность* того, что используют — разные вещи. Все знают, что есть люди, которые используют любовь в самых низких целях, но разве в этом виновата сама любовь?

Особенностью современного образования является, как всем известно, самое широкое использование электронных средств. Конечно, никто не будет возражать против этого, но вот против чего надо возразить обязательно, так это против *степени* использования этих средств. Все преподаватели прекрасно знают, что студенческие библиотеки пустуют, и это приписывается господству и удобству использования электронных носителей. Все, кто хотя бы немного помнят советское время, также должны помнить популярную фразу того времени: «Любите книгу — источник знания».

Современные электронные средства, конечно, очень нужны и доступны и предоставляют человеку огромный объем информации, но вот как-то на душу не ложится *полюбить* эту информацию как источник знания. Использовать, признавать жизненную необходимость информации (не случайно все мы — *пользователи*) — против этого никто и возражать не будет. Но вот любить информацию... И дело здесь не в психологии восприятия самого слова «информация», а чувствуется какая-то внутренняя несовместимость нравственного отношения к информации и самой сущности информации. И совсем не случайно считается, что использовать информацию в самых разных целях, в том числе и дурных — дело обычное и уже совсем привычное.

Почему так? Может быть, автор этих строк что-то преувеличивает и мы имеем дело просто с очередным этапом научно-технического прогресса и ничего более? Все знают, что в древнее время тексты выбивались на камне или выдавливались на глиняных табличках, потом писали на пергаменте и папирусе, в дальнейшем началось книгопечатание, а сегодня эти тексты существуют в электронном виде. Прогресс, да и только, скажут нам, ничего необычного.

И всё-таки хочется поупорствовать в своей позиции, и вот почему. Информация лишь частично совпадает с знанием. Информация — это как бы внешняя оболочка, форма, «скорлупа» существования знания, но еще не само это знание. Последнее (знание), в отличие от информации, обязательно ведет к целостному, цельному восприятию той или иной проблемы, в то время как информация всегда по природе своей частична, дробна, прерывиста. Эта внутренняя, сущностная дробность, прерывистость информации проявляется с самых разных сторон. Вот в книгу можно (а часто и нужно) именно *вчитаться*, остановиться после прочтения той или иной мысли, формулы и т.д. Книга обязательно приучает думать самому, в том числе и проявлять настойчивость, напрягаться для понимания тех или иных положений и идей. Информация же, по удачному выражению одного из современных российских писателей, «сквозиста», как бы «воздушно-безосновна» — информацию можно иметь или не иметь, получать или передавать и даже продавать как товар (да этим она нередко и является). Т.е. информацией всегда нужно *оперировать*, но *вчитываться*, вникать в информацию, как *вчитываются* в книгу для обладания *цельностью* знания, которое ведет к тому или иному мировоззрению, миропониманию — нет, не ложится на ум такое словосочетание.

Все преподаватели знают и простейшую особенность психологии современного студента — трудность сосредоточиться на обсуждаемой проблеме. Эта трудность про-

является не просто в каком-то постоянно «разорванном» сознании студента, способного воспринимать только быстро сменяющие друг друга частности, но и в другом – в очень большой и одновременно крайне поверхностной активности студентов при обсуждении той или иной проблемы. Вот задаешь вопрос – и тут же поднимается много рук тех, кто сразу хочет высказаться, но толкового почти никто не говорит. Ясно, что такая легкость, пустоватый активизм в высказывании своего мнения еще ни о чем не говорит. И напротив – просишь записать какую-то серьезную мысль, высказывание, положение того или иного ученого и ставишь обязательное условие, что надо не просто высказать *свое* мнение, а именно растолковать *объективный* смысл сказанного, т.е. подумать, сосредоточиться, и – сникают.

Серьезная научная книга, хотя бы хрестоматия или толковый учебник (редкое явление) помогают уйти от скольжения по внешней форме знания как только информации, т.к. при чтении таких книг и начинается заново рождаться *нравственная цельность познания*. Но именно этого-то и не происходит, когда сводят знание к информации.

Целность и большая внутренняя сила советской системы образования заключалась не в механически-искусственном псевдоединстве научного и нравственного элементов в научном (высшем) образовании, не в том, что к тому или иному научному положению или открытию следом как бы приставлялась «линейка нравственности», «пристегивалось» то или иное нравственное правило. Сила и глубина научного образования в то время заключались в том, что познание обязательно *оборачивалось* нравственностью, когда ученый, преподаватель вуза, лаборант и др., отдавая себя изучению той или иной проблемы, в этой самой отдаче поиску истины находил себя, а не терял, обнаруживал лучшие черты своего характера. В этом не было никакого намеренно-натянутого псевдоподвижничества как чего-то дополнительного, искусственно приставленного с помощью пропаганды и идеологии. Такое подвижничество было органически свойственно советской науке и образованию, естественно вытекало из их сущности – внутреннего, а не внешне намеренного единства нравственности и познания или (вспомним эпитафию из Гегеля) любви и истины. *Поэтому органическое единство научности, нравственности и гуманизма, человечности было важнейшей особенностью советской науки*. Именно это единство и было насильственно разорвано в катастрофические 90-е.

Одна из форм этого разрыва памятна всем: популярное утверждение в 90-е (сейчас – поутихло), что об-

разование не должно быть связано с воспитанием, т.е. с нравственностью, а должно представлять собой только *интеллектуальное натаскивание, информационно-интеллектуальную дрессировку* и ничего более. Так – считали в то время – должны готовиться «профессионалы высокого класса», эдакие безликие роботы-менеджеры, которые всегда автоматически, за пределами понятий добра и зла (по ту сторону их, как сказал бы Ницше) принимают только правильные «цифровые решения», абсолютно вне-нравственные и четкие, как вне-нравственны и формально правильны сами цифры. К чему это привело – все хорошо знают.

Именно тогда расцвела сугубо семейно-индивидуальная, уютно-каминная нравственность. Совсем неудивительно, что занимались почти все только одним – частной жизнью в так называемом «лучшем смысле этого слова». Бросились на поиски утраченного «я» и дошли до «великого» открытия – любить, оказывается, надо только себя. Какая тут отдача себя чему-то или кому-то другому и нахождение себя в нем? Какая тут любовь к истине? Ведь светить хотели только внутрь самих себя.

С какой-то бешеной агрессивностью этот идеал абсолюта частной жизни стал пропагандироваться с 90-х – и, казалось бы, что в этом плохого? Плохого в разумной частной жизни, конечно, ничего нет, но, как неоднократно повторял уже упоминавшийся Гегель – всё дело в степени. Идеал частной жизни в то недалекое время был доведен до абсурда и очень часто превращался в полное безразличие ко всему, что лично меня не касается. Но человек, поглощенный исключительно собой, своим успехом, своей любовью, своими счетами и расчетами, никогда не сможет, да и не захочет любить что-либо за пределами самого себя, и если уж он попытается обратиться к науке, то только с одной целью – ради достижения всё большего личного успеха, а научная истинность ему, конечно, безразлична. Никакая самоотдача в поиске истины тут невозможна, возможно только другое, противоположное – чтобы всё вокруг такого любителя частной жизни отдавало себя ему. Еще раз оговорюсь, что речь не идет о критическом отношении к этой «священной корове» наших дней – частной жизни, но речь идет о несовместимости *культы, абсолюта частной жизни и самоотдачи в науке и образовании*. Человек, отдавший душу всему частному, никогда не увидит целого и общего – оно ему просто безразлично.

Давно и правильно пишут о 90-х как о времени, с которого начался кризис, деградация науки в России. Не пишут об одном – о том, что одной из важнейших причин этого кризиса, одним из его истоков было разрушение единства истины и любви, единства нравственности и научности, образование пропасти между ними, чего никогда

не было в советской (да и не только в советской) науке и образовании. Всё нравственное начало было как бы «отжато» из образования. Дошли до того, что хотели перейти на американскую стобалльную систему оценки знаний, лишь бы убрать нравственное содержание из пятибалльной системы.

Итак, не только (а может быть, и не столько) недофинансирование науки и образования, экономические проблемы и иные факторы, которые лежат на поверхности и постоянно обсуждаются всеми, кому не лень, были причинами этого кризиса, а именно деградация общественного сознания, превращение его в механическую совокупность исключительно частных стремлений, совершенно чужих и чуждых друг для друга, не имеющих ничего общего. Общество было, но общего в нем уже не было. А наука всегда может заниматься только общим — иначе она теряет смысл.

Совсем не случайно люди, поглощенные информационным подходом к действительности, отождествляющие информацию и знание, в том числе занимающие довольно значительные и известные должности, уже открыто говорят о необходимости отказа от принципов советской системы образования и перехода от преподавания знаний к преподаванию только навыков. Что скрывается за этим известным тезисом? Главное заключается в том, что в таком случае, *если образование будет отождествляться только с получением навыков в той или иной частной области и будет совершенно сознательно и целенаправленно уничтожаться стремление к целостному взгляду на мир* — на долю человека будет оставлена только бесконечно рассыпчатая и меняющаяся дробность информации, которая этими людьми, получившими не знания, а навыки, никогда не будет оцениваться свободно и критически.

Но поражает даже не это. В свое время, еще в прошлом столетии, о «перспективе» развития науки вне нравственности писал в своей известной книге «По ту сторону свободы и достоинства» («Beyond freedom and dignity») американский ученый Б. Скиннер. Позиция известного основателя бихевиоризма, да и не только его, вызвала резкое неприятие у самой американской общественности, несмотря на все награды и частные заслуги, которые были у этого человека. В принципе к этому же направлению относится и известная книга З. Бжезинского «Между двумя веками. Роль Америки в технотронную эру». И вот сегодня эти «обноски» американской мысли прошлого столетия поднимаются некоторыми российскими деятелями и выдаются за нечто новое и оригинальное. Не развивая эту тему подробно, хотелось бы напомнить, что в науке есть неписаное правило — ссылаться на своих предшественников.

При всех недостатках того времени, не могло быть бездумно-разрушительного отношения человека к природе только как к источнику прибыли и столь же разрушительного отношения человека к человеку. Мораль, нравственность были заложены как бы

внутри такого типа познания, не носили оторванный от этого познания характер. Научное просвещение было одновременно и просвещением нравственным.

Но что означает утверждение о том, что в процессе познания, в процессе научного образования человек не просто отдает себя познанию истины, но и находит самого себя, в чем заключается эта «находка»?

Приведем самые простые примеры, которые должны быть понятны каждому. Это нахождение себя самого лучше всего можно понять как бы «от обратного». Вот студент, аспирант или докторант стремится в полной мере к пониманию тех или иных научных предметов, к анализу тех или иных проблем и делает это с полной отдачей. Жизнь такого человека становится качественно другой не потому, что он занимается наукой, подобно тому как по расписанию занимаются физзарядкой, фитнесом или чем-то другим модным и полезным, но совсем не составляющим существо жизни, а стоящим как бы «рядом» с жизнью. Сам процесс жизни и процесс познания у человека, искренне посвятившего себя науке, обязательно оказываются тождественными. Такой человек не актерствует в науке для престижа, карьеры или какого-то иного чисто внешнего, но «пустоватого» успеха.

Следовательно, для такого человека низкая, известная всем «кухонная» сторона жизни, которая имеет такое большое значение для многих людей — сторона жизни, в которой господствуют мелкие счёты, пошлое тщеславие, бытовая мстительность и т.д., — эта сторона, конечно, не исчезает полностью, но становится внутренне чуждой по сути своей. Да, к сожалению, этой стороны жизни нельзя избежать совсем, но родной, собственно своей в лучшем смысле этого слова оказывается только жизнь в науке.

На это можно возразить, что и в самом образовании и науке немало людей, лишь актерствующих в научной работе. Да, людей, нахватавших ученые степени и звания по карьерно-должностным соображениям, немало, и именно эти люди вносят в науку и научное (т.е. высшее) образование ту атмосферу мелких интриг, той псевдонаучной возни, которая также всем известна. У людей такого типа никогда не было и не будет никакой самоотдачи в учебно-научной работе, *само-отдачи* в том смысле, о котором говорилось выше. Совсем напротив, они стремятся только к тому, чтобы наука отдавала им всё, что возможно. Именно поэтому они так стремятся поскорее занять какую-либо должность, мало связанную с непосредственной научной и преподавательской работой.

Человек, который находит себя в науке, конечно, не становится выше этой низкой стороны жизни (быть выше чего-то или кого-то всё же означает сохранять какую-то связь, какое-то отношение к тому, что ниже), но он стано-

вится вне или «по ту сторону» этих мелко-мстительных счётов и отношений. Именно поэтому такой человек нередко испытывает плохо скрываемую неприязнь со стороны тех, кто всю жизнь сводит только к внешнему почету и лицемерному уважению. Поэтому человек, находящий свое человеческое именно в отдаче себя научной истине, по природе, по сущности своей не может не быть гуманистом в полном смысле этого слова.

Именно поэтому было такое подвижничество в учебе, именно поэтому так ценилось знание и наука, поэтому стремление к образованию как бы поднимало человека выше самого человека — не для того, чтобы поглотить его, а для того, чтобы он сам как бы пришел к лучшим чертам самого себя в процессе постижения истины. Какой-то удивительный свет знания пропитывал всю советскую

науку, именно *любовь к знанию*. А это неизбежно оборачивалось стремлением сделать человеческие отношения «прозрачно-ясными» (К. Маркс). Все, кто хотя бы немного прикоснулись к подлинному научному миру тех лет, прекрасно помнят эту разумную ясность и прозрачность отношений в ученой среде, мягкий юмор, здоровую, совсем не обидную насмешливость над некоторыми сторонами жизни. И такие отношения начинались еще с поздних студенческих или аспирантских лет, когда аспиранты почти всегда бывали дома у своих научных руководителей, а перед защитой — и у оппонентов, что совсем не было дежурным актом вежливости. А вот сегодня всё это почти исчезло...

Реальный гуманизм научной жизни был естественным продолжением единства нравственности и истины.

